

© 2012 г.

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР «МИУССКИЕ АНТИЧНЫЕ ПОСИДЕЛКИ-III» В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (Москва, 1–2 апреля 2011 г.)

Ежегодный семинар, посвященный актуальным проблемам истории античного мира, состоялся на кафедре истории древнего мира Института восточных культур и античности РГГУ 1–2 апреля 2011 г. Семинар продолжил традиции предыдущих, которые прошли в течение двух последних лет¹. Как и прежде, основной целью организаторов семинара являлась организация диалога ведущих специалистов, чьи научные интересы сосредоточены в рамках многоаспектной, но тематически единой научной проблематики. Тема семинара 2011 г. – «Империя и христианство». Его участники затронули в своих выступлениях широкий диапазон проблем, связанных с политической, идеологической и правовой историей Римской империи начиная с эдикта Каракаллы 212 г. и включая период образования романо-варварских королевств. Докладчики рассмотрели многие актуальные вопросы истории античного христианства и церкви. Тот факт, что большинство поставленных на семинаре проблем не получили должного рассмотрения в отечественной историографии, обусловил особую актуальность совместной работы представителей разных университетов.

Открыли работу семинара *И.С. Смирнов*, директор ИВКА РГГУ, и *П.П. Шкаренков*, заведующий кафедрой истории древнего мира. С приветственным словом выступил ректор РГГУ, чл.-корр. РАН *Е.И. Пивовар*. На семинаре было представлено семь докладов, которые составили три научно-тематических блока. На утреннем заседании 1 апреля доклады были посвящены ключевым проблемам изучения идеологической жизни Поздней Римской империи, а также проблемам изучения, атрибуции и верификации правовых источников, имеющих основополагающее значение для изучения истории Империи IV–VI вв.

Открыла заседание секции *В.И. Уколова* (Москва), которая представила на суд аудитории доклад на тему «Время и история на исходе империи». В центре внимания доклада была философия истории Блаженного Августина, одного из главных христианских мыслителей на исходе античности. Докладчик отметила основные принципы расхождения в осмыслении времени на греческом Востоке и на латинском Западе. Тема трактата Августина «О граде Божием» – мир как история, в то время как в Ареопагитическом корпусе время мыслится как иерархия, соотношенная с вечностью. В этом «христианском историзме» и «христианском структурализме» отразилось принципиальное различие между мироощущением и мироосмыслением двух ветвей христианства, в перспективе оформившихся как римо-католицизм и православие. Касаясь основных особенностей философии истории гиппонского епископа, В.И. Уколова отметила необходимость терминологического различения таких понятий, как *aevum*, под которым мыслится бесконечная продолжительность субстанций сотворенных, но обладающих определенным совершенством и поэтому практически неизменяемых (ангелы, небесные иерархии и т.д.), и *saeculum*, т.е. «век», «мировое время», своего рода временной континуум, в котором осуществляется взаимодействие Града Небесного и Града Земного. Показательно, что Августин пытается определить содержание времени не только через сравнение с вечностью, но и как бы изнутри, из собственного земного бытия: «Плохие времена, тяжелые времена – вот то, что люди не устают повторять, но давайте жить хорошо, и времена станут хорошими. Мы и есть времена: каковы мы, таковы и времена». Такой реализм вообще свойствен Августину наряду с глубокой философичностью.

Выступление *Е.В. Сильвестровой* (Москва) «Церковь и империя: XVI книга Кодекса Феодосия и ее место в структуре Кодекса» перенесло изучение позднеантичной идеологии в правовое русло и поставило задачу раскрыть правовые основы взаимоотношений Церкви и императорской власти. По-

¹ О них см. ВДИ. 2009. № 4. С. 259–261; 2010. № 4. С. 218–222.

дробному рассмотрению была подвергнута XVI книга Кодекса Феодосия, оценка места и значения которой в структуре Кодекса, по мысли докладчика, может позволить уяснить не только цели и задачи составителей Кодекса, но и оценить уровень их правовой культуры. XVI книгу нельзя рассматривать как некое в спешке составленное приложение, случайно помещенное в конце Кодекса, только на том основании, что в Кодексе Юстиниана материал, аналогичный текстам XVI книги Кодекса Феодосия, включен в первую книгу. Разное расположение сходного материала обусловлено не религиозной – или правовой – политикой императоров Феодосия II и Юстиниана I, а разными принципами составления Кодексов. XVI книга Кодекса Феодосия по своему содержанию и характеру вошедших в нее материалов не вступает в противоречие с другими «тематическими» книгами Кодекса, такими, к примеру, как XII книга. Если в XII книге содержатся нормы так называемого муниципального права, то в XVI книгу вошли, в основном, церковно-правовые нормы. В XVI книгу были включены «специальные» нормы, регулирующие специфические отношения, возникающие в связи с функционированием нового общественного института – христианской Церкви. «Общезначимые» нормы, касающиеся взаимодействия новых и традиционных социальных общностей, включены в первую часть Кодекса (а не в «приложения») в соответствии с устоявшейся системой организации материала юридического сочинения или законодательного свода.

Во второй половине дня 1 апреля были заслушаны два доклада, посвященные современным проблемам изучения античного христианства.

В докладе *Е.В. Сергеевой* (Великий Новгород) «Конфликт идентичностей в мученичестве святых Перпетуи и Фелицитаты» была рассмотрена с позиций исторической антропологии история Вибии Перпетуи, карфагенской мученицы 203 г. Эта история является одним из наиболее ярких примеров семейного конфликта, связанного с обращением одного из членов семьи в христианство. Центральное место в этом конфликте занимает конфронтация между Перпетуей и ее отцом; все остальные взаимоотношения в данной семье опосредованы их противостоянием. Религиозная идентичность дочери оказывается принципиально несовместима с традиционной архитектурой семейных отношений и воспринимается как вызов идее патернализма, игравшей принципиальную роль в римской общественной идеологии. В докладе затрагиваются проблемы трансляции элементов традиционной римской идеологии в новый религиозный контекст и реинтерпретации этих идей в современной историографии.

А.В. Муравьев (Москва), занимающийся проблемами истории христианского Востока в течение многих лет, выступил с докладом «От патронирования халкидонитов к религиозным репрессиям: церковная политика Юстина I и ее результаты на позднеантичном Ближнем Востоке». Докладчик поставил проблему «поворота» религиозной политики Юстина от зеноновского «энотизма» к жесткому религиозному подавлению религиозного инакомыслия к концу 518 г. В церковной историографии эти события нередко изображают однобоко как «возвращение к православию», однако очевидно, что массовые репрессии против антихалкидонитов в Сирии и Месопотамии, а также частично в Малой Азии, имели ряд особых причин и, главное, особые последствия. Фактически начав процесс подавления диакриноменского иночества в Сирии, Юстин заложил долговременную бомбу и заранее обрек на неудачу всю политику своего преемника Юстиниана I. Интересно, что репрессии отражены почти исключительно в антихалкидонитских источниках, таких, как Захарий Схоластик или Иоанн Эфесский. Однако и из этих источников, и из агиографических текстов вырисовывается картина массовой эмиграции монахов сперва в горные области Малой Азии, затем – на юго-восток и постепенно в лимитрофные зоны Империи.

Оживленную дискуссию вызвало выступление *Сергея Иванова* (Болгария), посвященное критике традиционного подхода в изучении доникейского христианства, предполагающего наличие некоего «здорового» ядра, унаследованного Церковью в дальнейшем, и различных отклонений от изначальной традиции, которые впоследствии оформились в виде осужденных церковным разумом ересей. Докладчик указал на неприемлемость отрицания христианской самоидентификации у членов ряда религиозно-идеологических образований (особенно гностиков) в угоду теологической интеллектуализации церковной истории. Основным критерием принадлежности к традиции и верности керигме следует считать не набор неких статичных вероучительных положений, а глубоко переживаемый личный опыт, выражающийся в полном изменении личности новообращенного (наиболее показательный пример в этом отношении – апостол Павел). Для описания природы (и возможной коррекции экспликаций) преддогматического христианства обычного человека того времени успешным может оказаться когнитивно-символический подход, адекватно учитывающий достижения как всех других широко распространенных концепций, так и новейшего развития методологических подходов трансперсональной психологии.

Доклады на семинаре 2 апреля были посвящены различным аспектам взаимоотношений Римской империи и варварской периферии. В докладе *И.А. Котылова* (Москва) ««Арианский фактор» во взаимоотношениях Рима и варварской периферии» особое внимание было уделено на временном промежутке, связанном с изданием императором Феодосием Великим конституции «*cunctos populos*», когда западное арианство, окончательно потеряв поддержку в лице проариански настроенных представителей власти, в результате постепенной маргинализации сузилось до масштаба разрозненных

и довольно немногочисленных общин, представители которых всячески подчеркивали свою оппозиционность по отношению к Никейскому Символу Веры. В этот кризисный для западного арианства момент помощь пришла от готов и других варваров, чье численное присутствие в римской армии возрастало год от года. Причем здесь речь идет не только о варварах-федератах, но и о тех, кто находился на высших командных постах. Императорское антиеретическое законодательство их не касалось, стало быть, они могли оказывать вполне ощутимую поддержку арианским общинам. Готы, первыми обратившись в христианство арианского толка, позже стали распространителями арианства среди других германских племен. Договор 382 г. обозначил новый этап в развитии готско-варварских отношений в связи с тем, что переселение готов на земли левобережной Дакии, Мезии и Малой Скифии и автоматическое придание им статуса федератов сформировало полноценный и многослойный «живой щит» на северных рубежах Империи. Этот новый этап в готско-римских отношениях, который характеризовался все большим втягиванием готов в орбиту интересов Империи и все возрастающей культурной ассимиляцией, был озаглавлен новым витком арианизации готов, обусловленной уже известными причинами. Усиливавшаяся романизация, тем не менее, нисколько не препятствовала стремлению быть отличными от основной массы населения. В этом отношении никейское христианство ассоциировалось у готов с Империей, которая противопоставляла варваров себе (можно вспомнить характерные антиварварские инвективы, встречавшиеся у Амвросия Медиоланского, Сидония Аполлинария и других авторов), в то время как принадлежность к арианству, представлявшему собой миноритарную и преследуемую конфессию, позволяла культивировать в себе некую инаковость, и, по счастливому совпадению, это христианство уже было в них укоренено проповедью Ульфилы. В этом случае готское христианство аккумулировало в себе единство и борьбу противоположностей: с одной стороны, потребность в культурной ассимиляции, с другой – невольное осознание себя, т.е. варваров-федератов, людьми второго сорта, и, как следствие, неизбежными оказывались трения между слабоороманизированными готами и уже давно и глубоко романизированным населением Паннонии и Мезии.

П.В. Шувалов (Санкт-Петербург) в докладе «Скифы, «светловолосые», авары и другие в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия» подверг скрупулезному источниковедческому анализу XI книгу «Стратегикона», выявив в нем несколько разновременных пластов. Первые три главы книги посвящены тому, как надо «приспосабливаться» на войне к персам, скифам и «белобрысым», при этом автор следует определенному заранее заданному алгоритму, воспроизводящему описание действий, которые полководец должен предпринять против врага. Пункты этого алгоритма распадаются на две логически связанные группы: описание врага и того, как к нему «приспосабливаться». Эта картина практически тотальной зависимости автора от пунктов некоего реконструированного вопросника требует четкого объяснения. Ясно, что материал, который использовал автор, был организован им самим или его предшественником в форме своего рода картотеки или анкеты. Вряд ли представляется возможным доказать, были ли автор текста и составитель некоего гипотетического каталога разными людьми или же это были лишь разные этапы обработки информации, проведенной одним человеком. В любом случае, однако, эту работу провел весьма педантичный человек, возможно, связанный с канцелярским делопроизводством. Поэтому можно предположить, что к созданию текста первых трех глав XI книги был причастен кто-нибудь из служащих канцелярии при одном из восточноримских магистров войск. Не исключено, что этот человек получил опыт боевых действий на Балканах, о чем свидетельствует несколько большее внимание автора книги к европейским варварам (скифам, «белобрысым», а также славянам), нежели к азиатским (нет упоминаний сарацинов, армян, иберов). Вероятно, мы здесь имеем редкую возможность заглянуть в недра делопроизводства военных канцелярий того времени. Не исключено, что эта картотека или анкета явилась следствием серьезной работы многих служащих военных канцелярий, обрабатывавших сведения, полученные от полководцев, пленных, перебежчиков, послов, купцов, агентов и т.д.

Большую помощь в проведении семинара оказала Научная библиотека РГГУ: при деятельной помощи ее сотрудников был подготовлен библиографический указатель литературы с подробной рубрикой по ключевым проблемам истории поздней античности «Меню к посиделкам» (составители – П.П. Шкаренков, В.И. Уколова, И.А. Копылов, Н.Г. Костенко). В нем указаны издания и переводы источников, а также новинки зарубежной исследовательской литературы, которыми располагает библиотека РГГУ.

На заключительном заседании были подведены итоги семинара, обозначены наиболее актуальные и приоритетные проблемы в изучении истории Позднего Рима, варварской периферии и античного христианства. Говоря о перспективах дальнейшего развития отечественной историографии по заявленной на семинаре проблематике, все выступающие отметили актуальность прошедшего семинара и подчеркнули его практическую значимость.

И.А. Копылов,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН